

Вновь в авторской литературной рубрике мы помещаем работы дебютанта – Раисы ЭЙЗЕНБЕЙС, являющейся активным членом черняховского литературного общества «Рассвет».

Автор представила на суд читателей разножанровую подборку, позволяющую судить о многосторонних ее способностях. Наибольший интерес представляют, пожалуй, стихи – непритязательные, и, может, не совершенные по форме, но не лишённые искренности и душевности.

ЛИТАВР

ЛИТЕРАТУРНАЯ АВТОРСКАЯ РУБРИКА

Раиса ЭЙЗЕНБЕЙС

БЕРЁЗКА

Красавица березка -
Вся в желтом одеянии.
Трепещет под окошком,
Как будто на свидании.

А ветер хулиганит,
Заигрывает сдержанно,
То за косу потянет,
А то погладит бережно.

Тоненькие веточки
Усыпаны листвою,
Мне березка-девочка
Кивает головою.

Иду по осенней тропинке,
А листья на землю летят,
Ложатся у ног под ботинки,
Что мимо со скрипом спешат.

Песочек потом их припрячет.
Навеки из жизни уйдут,
Никто ведь о них не заплачет -
Весною заменой придут.

Все в жизни приходит, уходит.
Всею она место найдет.
И время идет не торопит,
Но счет свой отлично ведет.

Желтый лист на землю падает,
Подняв притяжению земли,
То сама природа понимает:
Пролетели летние деньки, прошли.

А осенний, мелкий, нудный
дождик
Прорывает в темной толще туч
окно,
Капает и капает на зонтик,
Понимаю - все ему равно.

Мокрая домой приду, сухая,
А ему и дела вовсе нет.
У него ведь долушка такая.
Что теперь смогу сказать в ответ.

Будто сдвинулась льдина
И пустилась в забег.
Мир далекий, чужбина,
Там закончился век.

Эти долгие сборы,
Вихри дум при луне.
Предков будто укору
Вижу часто во сне.

Как забыть мне родное,
Ширь зеленых степей,
Бездорожье лесное,

Пар весенних полей.
Высь небесных просторов,
Редкий сбор облаков.
Щебет ласточек спорый,
Звон весенних ручьев.

Утром рано на зорьке
Стадо тощих коров.
Стенку книжек на полке.
Как забыть родной кров.

Что нас ждёт на чужбине,
Как устроим свой быт?
Удержусь ли на льдине
- Не единожды бит?

ВКУС ХЛЕБА

Всю жизнь пронес я хлеба вкус,
За ним простаивал часть ночи.
С ним рядом рос, как дикий куст,
В жизнь без него не верил очень.

Двенадцать ночи. Будит мать,
За хлебом очередь занять.
Никак не мог тогда понять,
Зачем же рано так вставать.

Но я вставал и шел покорно.
Всегда хотелось только есть.
Не думал «хорошо», «засорно».
Хлеб на столе – большая честь.

Но самым вкусным были крошки.
Я в рот скорей их отправлял,
Сметая бережно в ладошки,
Водю теплой запивал.

А хлеб посыпан крупной солью,
Или горбушка с чесноком?
С какой же горечью и болью
Я говорю сейчас о нем.

Под утро будка подъезжала,
Вознища дверцу открывал.
Слюна во рту вдруг набегала,
И хлебный дух вокруг витал.

Душа сжимается от боли,
Не сберегли мы хлеба честь.
Что хлеб сейчас не в первой роли,
Пренебрежительная весть.

Его бросают где попало:
На землю, в мусор. В унитаз.
Голодных, видно, стало мало,
И это уж не в первый раз.

Откуда хлеб на стол «пришел»
И «Хлеб всему есть голова».
В газете я статью прочел,
Жаль, но пустые все слова.

Они брели вдвоем в центре города.
Не по тротуару, а по обочине дороги,
опустив головы, как будто что-то вы-
сматривая на земле.

Они просто шли рядом молча, не
глядя друг на друга и по сторонам. Не-
прибранные, взлохмаченные – бомж и
собака, понимавшие, что нужны друг
другу.

Внезапно, без крика, на них напала
группа подростков. Собака, испуганно
поджав хвост, бросилась к тротуару, под
ноги прохожих, и прижалась к забору.

Напавшие окружили человека и
молча стали наносить ему удары. Он не
кричал, не сопротивлялся, только, со-
гнувшись как можно ниже и прикрывая
голову руками, старался вырваться из
круга. Испуганная собака взвизгивала.
Казалось, что она плачет. Равнодушные
пешеходы спешили по своим делам.

Человек не плакал, не звал на

ДВОЕ

помощь, зная заранее –
пустой номер. Наконец,
ему удалось отбежать в
сторону. Они не стали
его преследовать.

Собака побежала следом, словно чувствуя
свою вину, что не смогла ему помочь.

Человек, убежав из опасного места,
привалился к стене за закрытым магази-
ном. Некоторое время он оставался без
движений. Собака сидела рядом. Один
раз она лизнула ему руку. Он, не глядя,
потрепал ее лохматую голову и опять
замер. Она стала лизать его грязные в
крови руки, словно успокаивая и предла-
гая идти дальше. Он слегка оттолкнул ее
от себя. Собака отбежала в сторону и ос-
тановилась в нерешительности. Человек
сидел в той же позе, понурился голову и
безвольно опустив руки. Она заковыляла
прочь - больше он в ней не нуждался...
Чужая жизнь текла мимо.

ЖИЗНЬ - сплошные ПАРАЛЛЕЛИ

Народная мудрость гласит: один
переезд равен пожару. А что сказать,
если переезд не один? В 1996 году в
Германии мне довелось разговаривать
со старой женщиной из российских
немцев, которая в своей жизни испы-
тала все тяготы переездов, и не просто
переездов, а весь ужас переселений.
Разговор шел не просто о переселенцах,
а о нас самих, молодых и старых, юных
и самых маленьких. Мне запомнились
пророческие слова, которые когда-то го-
ворила еще бабушка моей собеседницы:
«Подожди, внученька, придет время, и
каждая капля крови будет искать свой
поток, свое русло. Русские потянутся к
русским, украинцы к украинцам, немцы
к немцам. Первые поедут с радостью,
вторые со слезами, третьи – с кровью...».
Так оно и получилось: радость, слезы,
кровь. Тяжело бросать насиженные
места, где прошли молодые годы, роди-
лись дети, внуки, где ты ощущал себя
дома. Было и хорошее и плохое, ведь вся
наша жизнь – сплошные параллели.

Я переехала в Черняховск в 2000
году. Но это была моя мечта, и волею
случая она сбылась. Сюда приехали
многие мои односельчане, бывшие мои
ученики и их семьи. В селе было много
смешанных семей, русско-немецко-
казахских. Переехала в Черняховск и
семья Филиппа Спиридоновича и Ольги
Александровны Гуржи, знакомство с
которой началось у меня в далеком 1970
году. Хорошие, приветливые люди, по
характеру оптимисты. Ольга Алек-
сандровна всю свою трудовую жизнь
проработала в школе, а Спиридоныч
имеет много профессий: работал учи-
телем, директором, ушел на заслужен-
ный отдых из гидрогеологии. Прошел
всю войну, имеет боевые награды. На
их долю выпало раскулачивание роди-

телей, переселения. Супруги вырасти-
ли двоих замечательных детей, дали
им образование, дождалась пятерых
внуков и шестерых правнуков. Почти
все большое семейство живет в Чер-
няховске. А покинули обжитое место
не по своей воле – их постигла та же
судьба, что и весь народ.

Они рассказали мне свою пересе-
ленческую историю: уехали внуки, за
ними собрались дети. Работы дома для
них не было. Внуки сразу поехали в
Калининград, а дети решили пожить в
селе на Псковщине. Но какая работа на
селе? Да и дети далеко, всю жизнь жили
вместе, - вот и переехали к детям. Сняли
квартиру, другую. Болячки и пробле-
мы переехали вместе с ними – поиски
работы, жилья. Вслед за детьми засо-
бились и старики, им полегче: какая-
никакая, а есть заработанная пенсия.
Как могли, помогали детям, всклад-
чину купили мансарду и все прописа-
лись. Филипп Спиридонович и Ольга
Александровна сняли жилье отдельно,
недалеко от детей. Проблемы не конча-
лись: цены на квартиру росли, а бытовые
условия оставляли желать лучшего. По-
жаловаться некому, в ответ услышишь:
«А кто вас сюда звал?». Но Спиридоныча
таким вопросом не достанешь, он всегда
найдет что ответить. Встали на учет как
переселенцы и в очередь на квартиру в ад-
министрации, он встал как ветеран войны.
Как-то раз Спиридоныч показал мне кипу
бумаг: прошения, письма, пустые обеща-
ния, липовые сочувствия и полное рав-
нодушие. Пожаловался, что при встречах
пытались оскорбить, уязвить.

Годы шли и били так же беспощад-
но, как и люди. Перед праздником 60-
летия Победы все средства массовой
информации пестрели поздравлениями
и обещаниями лучшей жизни для вете-

ранов. Осталось же все по-прежнему.
Выделяемые средства где-то «оседали».
Неугомонный Филипп Спиридоно-
вич продолжил свою «писательскую»
деятельность, пока ему не предложе-
ли развалюху в районе рынка в таком
состоянии!.. Фронтовой окоп был на-
дежнее. Помощи в ремонте никто не
обещал, от жилья пришлось отказаться.
И вновь – походы по инстанциям. По
характеру вспыльчивый и резкий, Гуржа
не всегда сдерживал свои эмоции,
но рядом был «пожарник», его жена,
умевшая гасить вспышки. Наконец на
Курчатова они получили в немецком
доме комнату. Жилье было в удручаю-
щем состоянии, как с горькой усмешкой
определил Спиридоныч: «Трамплин
на тот свет». Условий никаких: туалет
и кухня в одном помещении. Быстро
обустроились на новом месте: побелили
потолки, поклеили обои, вымыли окна,
которые от старости уже не открыва-
лись. Осенью, правда, обои отслои-
лись, стены потекли. Кое-как устранили
«недоделки». Мэрия помогла заменить
окна, кое-где подбелили. Живут в квар-
тире и по сей день.

Годы не щадят никого. Сил доби-
ваться справедливости уже нет. Но
мир не без добрых людей. За эти годы
старички примелькались в городе. Даже
незнакомые им люди здороваются,
справляются о здоровье, а незнакомые
водители не раз предлагали подвезти.

Так и бредут они по свету рядыш-
ком не спеша много лет. Когда-то и им
придется уйти, и в их возрасте окажут-
ся ранее равнодушные к ним люди. Нам
только кажется, что старость где-то там,
далеко... Люди, остановитесь, освободите
место в автобусе, помогите нужда-
ющемуся. Этим вы поможете и себе...
в будущем.

